

тельно снов, видений, явлений и откровений, нередко людям даруемых, он перешел к делу, ради коего они собрались. И, видит бог, красно и благочестиво увещевал их пустынный, как самим вам нетрудно догадаться.

– Коль скоро господь желает и приказывает, чтобы от меня пошло апостольское потомство, и открыл нам волю свою не раз и не два, а еще в третий напридачу, то следует подумать, сказать и заключить, что великое благо из сего деяния проистечет. А посему я полагаю, что лучше и нельзя сделать, как ускорить выполнение приказа, ибо вряд ли не излишне я промешкал, не давая веры небесному откровению.

– Правду вы сказали, святой отец, – отвечала старуха. – Как же соизволите вы поступить?

– Вы теперь же оставите дочь вешу здесь, – сказал отшельник, – мы с нею станем на молитву, а затем сотворим, что укажет нам господь.

Добрая старушка с этим согласилась, а дочь поступила так же из послушания. Едва отец пустынножитель очутился наедине с девицей, как немедля раздел ее донага, слоено собирался сызнова крестить; и поверьте, что сам он не остался одетым. Что тут долго рассказывать? Столь часто и подолгу держал он ее у себя заместо диакона, а не то из боязни пересудов захаживал к ней на дом, что наконец чрево ее начало вздвухаться, чему она так была рада, что и сказать невозможно. Но ежели дочь радовалась своей беременностью, так мать ликовала во сто раз больше. А проклятый ханжа тоже делал вид, будто доволен, на самом же деле готов был взбеситься со злости.

Бедная одуроченная мать, взаправду думая, что пригожая ее дочка породит красавца сына, предназначенного со временем сделаться папою римским, не удержалась, чтоб не рассказать о том ближайшей своей соседке, которая так изумилась, словно у нее рога выросли, однако же слегка заподозрила обман. Недолго скрывала она от прочих соседей и соседок, что, дескать, дочь такой-то от трудов святого отшельника тяжела сыном, которому на роду написано стать римским папою.

– Знаю же я все, – говорила она, – со слов самой матери, а ей открыл господь бог.

Эта весть сейчас же распространилась по окрестным весям.

А тем временем дочка в добрый час разрешилась красивой и здоровой девочкой, чем была весьма удивлена и раздосадована, и простушка мать – тоже, равно как и соседки, готовившиеся стать восприемницами его святейшества папы.

Новость эта узналась так же скоро, как и предыдущая, и, между прочим, одним из первых проведал о том отшельник, который сейчас же убежал в другую землю, не знаю в какую; затем ли, чтоб обмануть другую молодницу или девицу, или же во пустынях египетских с сокрушенным сердцем принести в грехе своем покаяние.

Как бы то ни было, бедная девушка осталась опозоренной, что весьма прискорбно, ибо была она пригожа, мила и добросердечна.

Новелла XXXI

Рассказана монсеньором де ла Бард¹⁶

Некий нашего королевства дворянин, оруженосец славный и с громким именем, живучи в Руане, влюбился в одну красавицу и всячески старался войти к ней в милость. Но Фортуна столь была ему супротивна, а дама так к нему нелюбезна, что под конец, как бы отчаявшись, прекратил он свои домогательства. И, может статься, не так уж он был не прав, ибо дама этот товар забирала в другом месте, а он не то чтобы знал об этом доподлинно, однако же слегка догадывался.

Все же тот, кто ею услаждался, знатный рыцарь и человек многомогущий, был так к оному оруженосцу близок, что вряд ли скрыл бы от него что-либо, кроме этого дела. Правда, часто он ему говорил:

– Знай, друг мой, что в здешнем городе есть у меня зазноба, от которой я совсем без ума; ибо когда я так устану в пути, что силой меня не заставишь паршивенькой мили проехать, так стоит мне с нею остаться, как я проскачу три или четыре, а из них две без передышки.

– А не позволите ли вы мне обратиться к вам с мольбой или челобитной, чтобы только мне узнать ее имя?

¹⁶ *Монсеньор де ла Бард* – Жан д'Эстуйе (ум. ок. 1488 г.), постельничий Людовика XI. Он исполнял многочисленные дипломатические поручения короля и занимал ряд важных государственных должностей, в частности был губернатором Перпиньяна.